

4. Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск: Тигра, 2000. С. 26
5. Теоретические основания культурной политики. М., 1993. С. 48-49, 44
6. Культура: политика модернизации. Псков, Пушкинские Горы, 1999. С. 33
7. Щедровицкий П. Гуманитарно-технологическая перспектива, или Эпоха культурной политики // [электронный ресурс] метод доступа: <http://www.shkr.ru/lib/publications/46> (дата цит. 10. 11. 2006)
8. Toffler A. The third wave. Pan books, 1980. P. 397
9. Иноземцев В. За пределами экономического общества. М.: Academia- Наука, 1998. С. 495
10. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. С. 325
11. Щедровицкий П. Не проектируйте будущее за других: беседа // Эксперт. 1998. № 45 (30 ноября)

*Егор Сергеевич ВАЖЕНИН —
аспирант кафедры философии*

УДК 140.8

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. В данной статье мировоззрение рассматривается через его отношение к восприятию, мышлению и языку. При изучении подобных феноменов основной акцент делается на необходимости перехода от «понятия» к «метафоре», т. е. на применении методов эстетической антропологии.

The present article deals with the description of the weltanschauung through its relations with perception, thought and language. The major idea of the article is the necessarily changing of using concepts to metaphors in researching same kind phenomenon, that is, necessarily using aesthetic anthropology methods.

Мировоззрение является многогранным и интересным феноменом. В настоящей статье формируется представление о мировоззрении с трех различных перспектив, путем рассмотрения его с трех позиций: восприятия, мышления и языка.

Рассмотрение мировоззрения как участника когнитивного процесса необходимо начать с проблемы восприятия.

Обратимся к кантовскому вопросу: «Мы видим вещи такими, какие они есть, или такими, какими они нам являются?». Следуя логике великого философа, присоединимся ко второму варианту — мы видим не сами вещи, но их явления, поскольку другой ответ может потребовать от нас признания творческого бессилия человека. Действительно, как возможно творчество, если есть лишь слепое копирование окружающего мира? Откуда в человеке взяться таинственной способности создавать то, чего раньше не было, чего нет в природе, иными словами, способности творить?

Осмысление проблематики обусловленности и предзаданности восприятия имеет богатую философскую традицию. Однако наиболее показательным, на наш взгляд, является *finite a la comedy*, парадоксальный результат крестового похода к «истинному бытию» и «истинному смыслу», предпринятого в начале XX в. в философии, науке и искусстве. Продираясь к вещам «на самом деле» через обусловленность субъективности, отказываясь от социальных установок и толкований, культура прорвалась в пустоту, найдя антибытие вместо бытия, бессмысленность вместо смысла.

Ж. Делез, анализируя в «Логике смысла» сущность языка, приходит к выводу, что носителем смысла является «событие», как некий поверхностный эффект, результат «смесей, действий и страданий тел», принципиально отличный от них по своей природе. «Событие» является специфическим атрибутом, не существующим вне предложения, которое его выражает. Делез называет такой атрибут ноэматическим.

«Событие» есть «... линия-граница между вещами и предложениями (есть/говорить) проникает ... между существительными и глаголами или, точнее, между денотациями и выражениями... Линия-граница обеспечивает схождение расходящихся серий, но она не может ни отменить, ни скорректировать это схождение. Дело в том, что в этом смысле серии сходятся не сами собой (что было бы невозможно), а вблизи парадоксального элемента — точки, пробегающей линию и циркулирующей по сериям... Как раз эта точка выражается в языке посредством различных эзотерических слов» [1; 241]

Здесь мы встречаемся с парадоксом, сходным с греческими апориями Зенона. Логика и практика снова начинают противоречить друг другу, и снова предпочтение отдается логике, разуму, а не чувствам. Ноэзис сознательно «выносится за скобки», поскольку не поддается строгой фиксации посредством аналитики языка.

Субъект растворяется в нарративе, понятие растворяется в симулякре. Фундаментальным свойством симулякра выступает его принципиальная несоотнесенность с какой бы то ни было реальностью. В ситуации, когда человек говорит и выражает себя в симулякре, необходимым условием коммуникации выступает реконструкция адресатом квази-семантических коннотаций адресанта. Но при этом сама возможность адекватной реконструкции с позиций постмодерна выглядит крайне сомнительной, в силу невозможности существования «общего языка». В этой связи название статьи Г. Гадамера «Неспособность к разговору» выглядит знаковым. Гадамер отмечает, что нельзя договориться, если нет общего языка. Но процесс разговора, или точнее, диалога, означает поиск общего языка, и в конечном счете — нахождение его.

«Все же в практическом общении можно добиться и понимания, и, в конце концов, даже взаимосогласия... Такая возможность символична: даже в тех случаях, когда, казалось бы, нет общего языка... можно, безусловно, полагаясь на разум, нашу общую долю, добиться многого» [2; 91]

Таким образом, философия постмодерна перестаралась, вместе с водой выплеснули и младенца. Преодоление субъективности суждений закончилось преодолением самого субъекта, превращением его в блуждающий «фантом».

Поэтому нам необходимо сделать шаг назад по линии времени, отступить к классической философии модерна, туда, где человек еще не сводился к бушующим безднам собственного подсознания, где он еще был господином собственной природы.

В классической традиции предобусловленность восприятия и суждений воспринималась не как постмодернистская «фикция», которую следует отринуть в угоду чистой экзистенции. Она была загадкой, которую следует разгадать. Однако механизм формирования системы представлений так и остался до конца не проясненным, несмотря на все попытки философов штурмовать данную твердыню.

В «Критике чистого разума» термин «бессознательное» не встречается. Тем не менее, как отмечает А. Гульга, идея бессознательного как активного, творческого начала выражена недвусмысленно. Кант говорит о спонтанности нашего мышления. «Рассудок благодаря продуктивному воображению сам спонтанно, т. е. стихийно, помимо сознательного контроля, создает свои понятия. «...Способность воображения есть спонтанность...» — такова одна из центральных идей «Критики чистого разума». Черновая запись Канта поясняет ее: «Рассудок больше всего действует

в темноте... Темные представления выразительнее ясных. Мораль. Только внести в них ценность. Акушерка мыслей. Все акты рассудка и разума могут происходить в темноте». «Темнота» мысли — бессознательное» [3; 58]

Размышляя над кантовской проблемой «продуктивного воображения», принявший интеллектуальную эстафету Фихте приходит к выводу, что существование сознания невозможно без предпосылки, без осознания прошлого. Он формулирует известный афоризм: «Не существует первого момента сознания, а лишь некоторый второй».

Таким образом, мы фиксируем таинственный феномен, воздействующий на наше сознание, спонтанный, самостоятельный, но остается совершенно непонятно, как к нему подступиться. И в то же самое время на практике мы умудряемся понимать друг друга, «тоннели реальности», посредством смыслового связывания структурирующие культурное пространство, существуют. Вопреки всему мы мыслим похожим образом. Каким же образом индивидуальная спонтанность приводит к общему пониманию? Как вообще возможен язык?

На наш взгляд, чрезвычайно перспективным является переход от механистического взгляда на процесс формирования этих «общих структур» к органическому. Так мы сможем преодолеть ограничение формального обобщения — для понятийного мышления индивидуальные особенности явлений — по сути случайные связи, в организме же эта связь необходима. Такая возможность существует, Кант называл ее эстетической способностью суждения, а Гете ею восторгался. Она позволяет увидеть за «листом» не понятие «листа вообще», а «дерево». Подобную «неформальную» логику М. Н. Щербинин называет эстетической антропологией. Подобный подход открывает возможность глубже понять человека, проникнуть туда, где разум, вооруженный формальной логикой, отступает.

Или, по словам Г. Гадамера: «В философии вопрос ставится так: можно ли от тематизируемого наукой знания вернуться назад, и в каком смысле, и каким образом это возможно? То, что каждый из нас в своем практическом жизненном опыте постоянно осуществляет это возвращение, не требуется подчеркивать... Мы то и дело переходим границу объективируемости, с которой по своей логической форме связано высказывание. Мы постоянно живем в формах сообщения того, что не объективируемо, в формах, подготовленных для нас языком, в том числе языком поэтов» [4; 51]

Мы полагаем, что мировоззрение как раз и является тем феноменом, который благодаря формированию у нас общих когнитивных предпосылок, позволяет понимать друг друга, структурирует организм культуры, не дает ему распасться на «атомы». Влияние мировоззрения актуализируется в категории смысла. М. Н. Щербинин отмечает, что смысл — это связь между явлениями. Необходимо сказать, что не всякая связь есть смысл, смысловая связь — трехсторонняя. Не просто «связь между явлениями», но «связь между явлениями для кого-то». А поскольку мы рассматриваем мировоззрение, как систему смыслов, которая во многом пересекается у различных субъектов, то выстраивается и необходимый фундамент для возможности коммуникации. Всем сомневающимся в сильном влиянии пред-установок на восприятие предлагаем небольшой тест. Попробуйте прочитать нижеприведенный текст:

«По рзелульаттам илссевадний одонго анлигйсокго унвиертисета, не иеemt занчнения, вкокам пряокде рсапожолена бкувы в солве. Галвоне, чотбы преавя и пслоендя бкувы блыи на мсете. Осатьлыне бкувы мгоут селдовтаь в плоонм беспорядке, все-рвано ткест чтaitся без побрелм. Пичрионй эгото ялвяются то, что мы не чиатем кдаужю бкуву по отдльенотси, а все солво цликеем».

Как вы могли заметить, мы воспринимаем не всю имеющуюся информацию, а бессознательно (или сверхсознательно) ее фильтруем. Существование привычек, шаблонов мышления и восприятия глубоко укоренено в человеческой природе, оно обусловлено даже природной необходимостью.

Нервная система млекопитающих оказывается крайне «дорогим» органом, поэтому чем меньше времени мозг работает в интенсивном режиме, тем дешевле обходится его содержание. Проблема решается по-разному. Один из способов связан с минимизацией времени интенсивного режима работы нервной системы. Это достигается большим набором врожденных, инстинктивных программ поведения, которые хранятся в мозге как набор инструкций. Инструкции для различных форм поведения нуждаются только в небольшой коррекции для конкретных условий. Все, что приводит к уменьшению энергетических расходов мозга, воспринимается как биологический успех. Выгода от мышления столь биологически эфемерна, что его старается избегать даже человек. Вся социальная структура сообществ животных и человека построена так, чтобы мышление как процесс поиска новых решений старых проблем не могло реализовываться в стабильных условиях.

Человеческая природа сопротивляется мышлению. Можно предположить, что в таком случае преодолеть сопротивление, сделать возможным творчество новых «смыслов» помогает некий «неприродный» фактор. Природа подчиняется законам причинности, следовательно, данный фактор нужно искать как можно дальше от «причины». Противоположным вопросом «почему?» является вопрос «зачем?», конституирующий категорию «цели». Нетрудно предположить, что искомым фактором является совокупность устремлений, идеалов, чаяний культуры. Но не это ли мы понимаем под мировоззрением, говоря о нем как о смысловом пространстве субъективности?

Мировоззрение — это не просто «образ мира», это образ мира, который осмыслен, отражение того, что важно для личности, социума, культуры. Это фильтр, стерегущий разум от хаоса окружающего мира, от информационного коллапса (С. Лем обозначил такую информационную перегрузку «мегабитовой бомбой»). Мировоззрение хранит самость личности, хранит субъективность. Позволяет нам сосредоточиться на том, что осмысленно и важно, абстрагироваться от несущественного.

Кант, Шеллинг, Гегель, Ницше, Хайдеггер воспитывались в высокорелигиозных семьях в весьма строгой обстановке. Бунтарь Делез неоднократно сетовал: «Я принадлежу к тому поколению, одному из последних, которое в той или иной степени было раздавлено историей философии». Иными словами, он также являлся выходцем из традиции, на этот раз интеллектуальной.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, с диалектической взаимосвязью «традиции» и «творчества». Если творчество требует огромного усилия воли, необходима сильная смысловая стимуляция — во имя чего я творю.

Мировоззрение дарует творческие силы. Но это еще не идея. Это — мечта, которой лишь предстоит стать идеей. Мечта дает колоссальный культуротворческий потенциал, порыв смыслогенеза. Сначала появились «битники», и только потом появился прославивший их Берроуз с «Голым завтраком». Сначала появились хиппи, и только потом была написана «В дороге» Джека Керуака, вызвавшая широкий резонанс в молодежной среде. И вот ведь в чем вопрос — а были ли эти произведения возможны без порыва, без мечты? Наверное, нет.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть — это вопрос о статусе сознания и связи сознания и мировоззрения. Чем является сознание — самим процессом мышления или только отражением этого процесса.

Как отмечает М. Ю. Бакулин: «Вглядываясь в это пере-воз-вращение философии, П. Рикер потратил 30 лет, чтобы показать временный и текстуальный парадокс философии: либо мыслю, либо думаю, что мыслю. Сознание-то появляется только когда все уже произошло, все уже случилось. Оно плетется за историей и не может ее догнать. Воспринимать, осознавать я могу только задним числом. Не осознание, а мысль равна бытию. Не моя мысль, а сама мысль» [5; 21]

Наверное, каждому знакомо такое явление, как радость внезапного осознания, мгновенное решение проблемы после бесплодных многодневных раздумий. Сны ученых, подсказывающие им решение давно мучивших их проблем. Быть может, сознание — это не все, что в нас «мыслит»?

Вопросом об интенсивности «темных представлений» и их месте в духовном мире человека серьезно заинтересовался еще И. Кант. Как отмечает А. Гулыга, Кант не склонен недооценивать их значение. Рассудок порой не в состоянии избавиться от их влияния даже в тех случаях, когда считает их нелепыми и пытается противоборствовать им. Что же касается пространства наших неосознанных представлений, то оно чрезвычайно масштабно. «...На большой карте нашей души, так сказать, освещены только немногие места...; это обстоятельство может возбуждать у нас восхищение перед нашим собственным существом; ибо достаточно высшей силе воскликнуть: да будет свет!, и без малейшего нашего участия перед нашими глазами открылось бы полмира» [3; 114]

Но, если субъективность мысли творит во мраке сознания, то вполне логично заподозрить «нечто», являющееся переводчиком, посредником между сознательным и сверхсознательным. Мы полагаем, что такой переводчик имеет отношение к мировоззрению индивида, реализующего свою функцию через «осмысление». Неслучайно в педагогике различают усвоение предмета и овладение им. Усвоение фиксируется через запоминание и воспроизведение полученной информации, но это не последняя ступень обучения. Следующий этап — овладение, способность творчески распорядиться полученными знаниями. На наш взгляд, такая способность появляется только тогда, когда полученный материал «осмысливается». Поскольку смысл — это прежде всего нечто лично пережитое, понятое «по-своему». Через осмысление мы связываем объективированные навыки с собственной спонтанной творческой способностью. Через личный акт «всмысливания» мы переводим «внешнюю информацию» на наш собственный «внутренний язык», мы получаем возможность творить, свободно распоряжаться полученными знаниями. Образно говоря, «осмысление» есть приращение объекта к себе, превращение его в часть собственного «тела». Чтобы взмахнуть рукой, нам не нужно задумываться, мы просто взмахиваем. И так в любом деле — лишь когда забываешь о том, что стоишь на коньках, обретаешь свободу скольжения. А свобода — это всего лишь другое название «творчества».

Данный тезис можно также проиллюстрировать индивидуальным развитием ребенка. А точнее, феноменом *homo ferus*, «детей маугли», которые, демонстрируя разумное поведение, оказались не способными освоить человеческую речь, если были обнаружены в возрасте больше 2-3 лет.

По всей видимости, в возрасте около 3 лет у ребенка закрывается «лингвистическое окно». И если к этому моменту в него не успели вложить «речь» (не набор слов, грамматики, а совокупность «квази-семантических» структур, некую способность «говорения»), у него формируется своя собственная пограничная смысловая система, которая является уникальной. В этом случае «дикий ребенок» становится заложником культуры одного-единственного человека — себя самого. Действительно, любой иностранный язык любому психически здоровому человеку освоить если и трудно, то, по крайней мере, возможно. Сле-

довательно, адекватное понимание другого индивида или другой культуры возможно лишь при условии правильного понимания мировоззренческих установок, системы центральных смыслов «другого» субъекта.

Еще одно интересное свидетельство в пользу существования «внутреннего языка» можно обнаружить в психиатрических исследованиях патологий головного мозга.

«Так, один из наших больных с комплексной сенсорной афазией фразу из букваря *Нина мыла раму* читал как «Девочка моет окно» или фразу *Аня и Саша вымыли руки и пьют чай* читал как «Дети моют руки и едят кашу». Мы видим, что смысл передан правильно, но неточно переданы конкретные значения. Слова, несущие конкретные значения — *Нина, Аня и Саша*, замещены обобщенными словами *девочка* и *дети*, правильно отражающими категорию понятий. Можно сказать, что мысль понята, поскольку она есть оперирование с субъективным кодом смыслов, но она не получила точного выражения в речи» [5; 167]

Итак, мы рассмотрели феномен мировоззрения в трех ракурсах. В первом случае мировоззрение выступает медиатором — пространством смыслов, структурирующим социум и формирующим культурные идентичности. Мировоззрение делает возможным существование интерсубъективности.

Во втором случае мировоззрение выступает резонатором — зеркалом, в котором отражается гетевский «пра-феномен» культуры, ее мечта, ее сущность и движущая сила. Мировоззрение дает человечеству силы для творческого мышления, формирует культуротворческий потенциал, позволяет сопротивляться биологическому угнетению мышления. Оно позволяет преодолеть причинность, вырваться из оков природы, благодаря замене «причины» на «цель» — не «потому что», но «во имя чего».

В третьем случае мировоззрение выступает как транслятор — транслирующий вовне субъективные коды культуры, поскольку понятие «артефакта» неотделимо от категории «смысла». Мировоззрение становится посредником между творческой лабораторией субъективности и объективацией полученного опыта.

Иными словами, можно сказать, что мировоззрение — это музыкальный инструмент, на котором творится «музыка» культуры, на котором культура «звучит», являет себя вовне.

В связи с вышеизложенным становится понятно, что для изучения подобного, насквозь метафизичного, феномена формальный философский инструментарий не совсем подходит. Процедурами формальной логики мы разрушим «неформальное общее» культурного организма, попытавшись абстрагироваться от «несущественностей», которые в нем являются не случайными, но необходимыми.

Нам нужно заимствовать инструментарий у искусства и искусствоведения, попытаться перейти от трактата к эссе. Иными словами, призвать на помощь то, что М. Н. Щербинин называет эстетической антропологией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Делез Ж. Логика смысла: Пер. с фр. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
2. Гадамер Г. Неспособность к разговору. В кн.: Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 72-91.
3. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. 416 с.
4. Гадамер Г. Что есть истина?: Пер. с нем. Электронная библиотека по философии <http://filosof.historic.ru>.
5. Бакулин М. Ю. Благочестие философа. // Тез. докл. Модернизация образования в условиях глобализации. Тюмень: Изд-во ТюмГУ 2005. С. 20-23
6. Цветкова Л. С. Мозг и интеллект. М.: Просвещение, 1995. 304 с.